

А.В. ГИЛЁВ*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛИЕНТЕЛИЗМ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Аннотация. Статья посвящена определению оснований клиентелизма региональных политических машин в современной России. С этой целью на материале экспертного опроса о выборах в 25 российских регионах осенью 2015 г. используется метод качественного сравнительного анализа (QCA). Выводы свидетельствуют о том, что клиентелизм политических машин может объясняться доступностью опоры на контролируемые группы избирателей. В то же время клиентелизм может свидетельствовать не только об инфраструктурном потенциале, но и о недостатке административных возможностей для предотвращения рисков конкуренции другими способами.

Ключевые слова: политические машины; политический клиентелизм; выборы; регионы России; электоральный авторитаризм.

A.V. Gilev

Machine politics and political clientelism in Russian regions

Abstract. The article is dedicated to the foundations of electoral clientelism employed by the regional machines in Russia. The author uses qualitative comparative analysis (QCA) in order to analyze the data from 25 regional campaigns in 2015 generated by the PEI expert survey. The degree of clientelism by the Russian regional machines can be explained by the availability of controlled voters' constituencies.

* **Гилёв Алексей Владимирович**, кандидат политических наук, доцент департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского государственного научно-исследовательского университета, e-mail: agilev@eu.spb.ru

Gilev Aleksey, National research university Higher school of economics (Saint Petersburg, Russia), Perm state university (Perm, Russia), e-mail: agilev@eu.spb.ru

At the same time clientelism resulted from a low infrastructural capacity and inability to prevent electoral competition by the administrative means.

Keywords: machine politics; electoral clientelism; elections; Russian regions; QCA; electoral authoritarianism.

Партии и политики выигрывают выборы не только благодаря своим программам, они могут использовать материальные стимулы и контролировать голосование избирателей, опираясь на отлаженные политические машины. В современной России в распоряжении у региональных элит часто есть и иные – административные – инструменты предотвращения конкуренции. Как в этих обстоятельствах работают региональные политические машины? Когда опираются на клиентелизм, а когда отказываются от него? Этим вопросам посвящена настоящая статья.

В работе политических машин все переплетено, для победы на выборах одновременно могут быть задействованы разные тактики. Цель исследования состоит в распутывании этого «клубка» и вычленении типичных сочетаний факторов, служащих основанием клиентелизма региональных политических машин. Метод качественного сравнительного анализа на материале экспертного опроса о выборах в 25 российских регионах осенью 2015 г. позволяет рассмотреть многообразие сценариев работы региональных политических машин и оценить влияние политэкономических факторов и роль альтернатив административного манипулирования. Выводы свидетельствуют о том, что клиентелизм политических машин может объясняться доступностью опоры на контролируемые группы избирателей. В то же время клиентелизм может свидетельствовать не только об инфраструктурном потенциале, но и о недостатке административных возможностей для предотвращения рисков конкуренции другими способами. Статья выстроена следующим образом: в первой части представлен обзор литературы о региональных политических машинах в современной России; во второй части представлены данные и метод анализа; в третьей части приведены основные результаты качественного сравнительного анализа.

Политические машины в регионах России

Российские регионы значительно различаются между собой характером проходящих в них выборов [Петров, Титков, 2013; Титков, 2016]. Региональные правящие элиты задействуют разные наборы электоральных тактик и достигают с их помощью результатов разной степени успешности. Наиболее удачливые и авторитарные из губернаторов еще в 1990-е сумели создать так называемые «политические машины» – неформальные структуры, обеспечивающие мобилизацию избирателей и победу на выборах самих губернаторов и лояльных им кандидатов [Golosov, 2013; Хейл, 2016; Скотт, 2016]. В ряде регионов эти неформальные структуры фактически замещали партии [Голосов, 2006; Hale, 2005]. С укреплением «Единой России» в качестве «партии власти» практики местных «политических машин» распространились по всей стране [Golosov, 2011; Reuter, 2010, 2017], однако внедрение этих практик не везде прошло успешно [Obydenkova, Libman, 2012 a]. Более того, в конце 2000-х мощь некоторых политических машин и вовсе оказалась подорвана в результате волны замен региональных руководителей – примерами здесь могут служить случаи Башкортостана после Муртазы Рахимова или Орловской области после Егора Строева [Reuter, 2013; Sharafutdinova, 2013, p. 515]. Стоит оговориться, что исходы голосований в российских регионах как в конце 1990-х, так и на современном этапе могут быть объяснены и в классической логике экономических теорий [Konitzer, 2005; Щербак, Сенников, Лисовский, 2013], но именно концепция политических машин в последнее время оказалась особенно востребована для интерпретации кроссрегиональных отличий. В этой перспективе вариация в голосовании между регионами объясняется в первую очередь тем, насколько региональное руководство способно обеспечить необходимый результат, т.е. насколько эффективна политическая машина губернатора.

Рассмотрение итогов региональных выборов как результата работы политических машин, соответствует реалиям электорального авторитаризма и логике субнационального авторитаризма. При электоральном авторитаризме институт выборов присутствует не как инструмент поддержания подотчетности властей [Schedler, 2006, p. 3], но используется самими властями в своих интересах, например для подачи сигнала о собственной мощи [Magaloni,

2006]. Интрига таких выборов состоит не в том, как проголосуют избиратели при существующей экономической динамике, социальной и демографической композиции региона, политическом опыте администрации и т.д., но скорее в том, насколько убедительные итоги обеспечит правящая группа при наличествующих социально-демографических, экономических и политических условиях. Логика субнационального авторитаризма в свою очередь подразумевает контроль местного руководителя в пределах своей территории и создание имиджа незаменяемости в глазах центра [Gibson, 2013]. Так что само положение обязывает субнационального автократа иметь политическую машину [Гельман, 2009] и доказывать ее эффективность итогами выборов.

Примечательно, что как экспертные оценки, так и уточненные математические расчеты сходятся в том, что с середины 2000-х при ротации губернаторского корпуса федеральный центр в России действительно поощряет губернаторов с наилучшими электоральными результатами [Петров, 2007; Туровский, 2009; Reuter, Robertson, 2012; Reisinger, Moraski, 2017, p. 98–116]: такие губернаторы реже и позже отправлялись в отставку. Исследования показывают, что работа политической машины оказывалась для центра важнее, чем социально-экономические показатели¹. Кроме того, прослеживается взаимосвязь между лучшими электоральными результатами и большим объемом межбюджетных трансфертов региону [Стародубцев, 2014; Sharafutdinova, Turovsky, 2017]. Исследователи могут теоретически интерпретировать уровень «провластного» голосования в регионе как отражение силы политической машины, как маркер лояльности центру, как показатель административных возможностей местных элит. Так или иначе, именно электоральные показатели позволяют наилучшим образом объяснить и систематизировать пестроту политики, связанной с российскими регионами, а ключевым концептом для понимания электоральных показателей служит понятие политической машины [Гельман, 2009; Golosov, 2013; Reuter, 2013].

¹ Правда, с возвращением выборов губернаторов с 2012 г. исследователи обнаружили противоположную закономерность, когда в более сложных с электоральной точки зрения регионах федеральный центр помогал губернаторам, принимая досрочную отставку и благословляя выход на досрочные выборы [Golosov, Tkacheva, 2017].

Фокусировка на работе политических машин меняет исследовательскую перспективу. Действительно, задача политической машины состоит в обеспечении электоральной поддержки кандидатов и партий независимо от их программ и независимо от текущей экономической динамики. Другими словами, политическая машина избавляет руководителя от подотчетности как за прошедший период, так и в будущем. В таком случае следует начинать любое объяснение регионального разнообразия с факторов, способствующих консолидации губернаторских машин [Хейл, 2016; Obydenkova, Libman, 2012; Saikkonen, 2016; Reisinger, Moraski, 2017, p. 82–97]. Это могут быть те же политические и социально-экономические факторы, что используются в анализе голосования избирателей за программы и экономическую выгоду [Konitzer, 2005], однако механизмы воздействия этих факторов принципиально иные. Например, если при классическом подходе экономический рост способствует голосованию за инкумбента, то политическим машинам бедность идет на пользу, поскольку бедное незащищенное население сильнее зависит от перераспределений политической машины [Скотт, 2016; Magaloni, 2006; Golosov, 2016]. В этой перспективе укрепления политических машин и более высокой поддержки власти следует ожидать в более бедных регионах [Reuter, 2013; Bader, van Ham, 2015]. Тогда как положительную взаимосвязь между размером ВРП и результатами партии власти можно предвидеть скорее опосредованно через переменную размера государственного сектора, т.е. объема ресурсов, находящихся в распоряжении правящих элит [Obydenkova, Libman, 2012; Reuter, 2013; подробнее теорию см. в Greene, 2007], и эффекта «ресурсного проклятия» [Fish, 2005; Saikkonen, 2016]. Таким образом, исследования политических машин позволяют выделить особые закономерности электорального поведения и особый набор электоральных практик [Панов, 2009].

Исследователи выделили социально-демографические основания политических машин: в постсоветской России их опорой стали колхозы, заводы и этнические меньшинства, а также социально незащищенное население. Политические машины оказались устойчивее в регионах с большей долей аграрного населения [Хейл, 2016]. Это соответствует универсальной тенденции – поведение, в частности голосование, в аграрной местности контролируется легче в силу того, что в небольших сообществах сложнее

сохранить анонимность [Medina, Stokes, 2007]. В постсоветской России политики могли использовать и историческое наследие колхозов и совхозов с присущими им практиками контроля над крестьянами [Fish, 2005, p. 55] и спросом на материальную помощь из регионального центра. Председатели в качестве брокеров могли предоставить политическую поддержку политикам в обмен на патронаж региона, тогда как со стороны государства посредниками часто выступали назначаемые главы районов [Голосов, 2006; Hale, 2005].

Одним из сильных предикторов успешности политических машин оказалась этническая композиция населения [Хейл, 2016; Golosov, 2013]. Это также соответствует универсальной тенденции, согласно которой компактно проживающие этнически отличные группы, в том числе диаспоры, могут обменивать на патронаж контролируемое голосование своих членов [Скотт, 2016; Китчелл, Уилкинсон, 2016]. В постсоветской России имеют значение именно «этнические сети», унаследованные еще от позднесоветского периода, а не просто формальный статус национального региона, что подтверждается результатами анализа на субрегиональном уровне [Matsuzato, 2001; Hale, 2005; Sharafutdinova, 2013; Goodnow, Moser, Smith, 2015].

Ещё одним источником массовой мобилизации избирателей служат промышленные предприятия [Fish 2005; Frye, Reuter, Szakonyi, 2014, 2015]. Это обстоятельство во многом специфично для постсоветской России в силу наследия советской промышленной социальной и градостроительной политики, когда рабочие проживают рядом с предприятиями, а предприятия предоставляют рабочим социальные блага. Механизм мобилизации на рабочем месте в этом смысле дополняет механизм мобилизации бюджетников и чиновников и не дает отображения в кроссрегиональной вариации.

Так же как и доступ к мобилизации бюджетников и чиновников («административному ресурсу»), в любом регионе у государственных политических машин есть возможность использовать в предвыборных целях социальные программы. Электоральная инструментализация социальной политики – хорошо изученная тактика электоральных авторитаризмов [классический пример Мексики см. в: Magaloni, 2006; Greene, 2007]. В российском случае региональные администрации имеют возможность задействовать в

электоральных целях государственные социальные службы, а также формально независимые, но близкие государству некоммерческие организации [Kurilla, 2002; Kulmala, Tarasenko, 2016], или даже давать поручения частным компаниям, занимающимся ЖКХ [Шевцова, 2017]. Возможности политической машины по мобилизации социально незащищенного населения коррелируют с общим уровнем экономического развития региона и урбанизацией [Cook, 2014], а потому, как и в случае с мобилизацией на рабочем месте, механизм мобилизации в обмен на социальные услуги затруднительно операционализировать в качестве отдельной переменной, объясняющей кросс-региональное разнообразие.

Завершая обзор социально-демографических оснований российских политических машин, стоит отметить целый блок работ, которые находят исторические корни региональной политической вариации [Lankina, 2012; Obydenkova, Libman, 2015; Lankina, Libman, Obydenkova, 2016]. Этот блок непосредственно примыкает к экономическим и социологическим исследованиям о влиянии миграционных процессов прошлого, экономического и государственного строительства и значении социального капитала в современности [Markevich, Mikhailova, 2013; Фоа, Nemirovskaya, 2016; Полищук, Макарьин, Зубарева, 2013]. Таким образом, «исторические» переменные могут выступать прокси (близкие) к трудноуловимым параметрам политической культуры.

Помимо тектонического уровня социально-демографических переменных на формирование и сохранение политических машин влияли и ситуативные факторы политической конъюнктуры. К таким факторам относятся: происхождение и опыт губернатора и констелляция элит. Рост числа «варягов» и уход «тяжеловесов» на губернаторских постах во второй половине нулевых годов подорвали мощь политических машин к думским выборам 2011 г. [Reuter, 2013; Sharafutdinova, 2013]. Напротив, длительное пребывание губернатора на посту ведет к подрыву силы формальных институтов при установлении устойчивых неформальных связей с региональным бизнесом [Сюняев, Полищук, 2014; Sharafutdinova, Kisunko, 2014]¹. Как уже было отмечено выше, политические ма-

¹ См. также журналистские репортажи о противоположных случаях: эффекта смены губернатора в Кировской области [Азар, 2014] и долгого сохранения губернатора на посту в Кемеровской области [Бекбулатова, 2017].

шины в формативный период создавались с опорой на разнообразные доступные ресурсы [Голосов, 2006; Hale, 2005], потому связь губернатора с КПСС, облсоветом или хозяйственниками не были обязательным условием и механизмом успеха [Хейл, 2016].

Исторический период 1990–2000-х имел значение с точки зрения опыта конкуренции. Как показали исследования, в 1990-е лучшие условия для демократии сложились в тех российских регионах, где, по выражению В. Гельмана, возникло «сообщество элит» [Россия регионов..., 2000], т.е. там, где сильные элитные группы были готовы к «борьбе по правилам». Расхождения политических режимов в 1990-е сохраняют след и два десятилетия спустя: более соревновательные выборы и более длительное сопротивление сужению соревновательного пространства наблюдались там, где еще в 1990-е возникла более демократическая среда [Obydenkova, Libman, 2012 a; Golosov, Gushchina, Kononenko, 2016].

Примечательно, что соревновательная традиция поддерживалась не столько за счет постоянного сопротивления конкретных элитных групп, сколько за счет неформальных и формальных институтов. «Единая Россия» в 2000-е годы втянула в свои ряды машины и партийные структуры местных политиков [Голосов, Григорьев, 2015; Golosov, 2014], сформированные из доступных тем ресурсов. В «Единую Россию» вошли представители самых разнообразных элитных групп, включая многих коммунистов и близких к ним политиков, так как отсутствие хотя бы формальной аффилиации с «Единой Россией» оставляло локальным группам мало шансов на значительный успех [Turovsky, 2014; Ковин, Подвинцев, 2015]. Губернаторские машины кооптировали городские политические машины, так что Дж. Ройтер с коллегами предполагают, что именно стремление элит держать мэрские машины в тонусе способствовало сохранению выборов мэра в крупных городах [Local elections..., 2016]. В результате межэлитная конкуренция преимущественно переместилась внутрь «Единой России» [Ross, 2012, Panov, Ross, 2016]. В этом смысле одной из функций «Единой России» как доминирующей партии выступает медиация противоречий и выведение их из сферы публичной конкуренции [Magaloni, 2006; Магалони, Кричели, 2015]. Если же в исключительных случаях внутриэлитная борьба выплескивается за пределы партии власти, это создает значительные проблемы на выборах для региональной администрации [Карандашова, Сироткина, 2018].

Худшие показатели политических машин и большая соревновательность, таким образом, присущи тем регионам, где была приемлема борьба неформальных коалиций, и там, где оппозиционные партии более автономны и доступны избирателю в качестве альтернативы.

Таким образом, перспектива анализа региональных выборов как результата усилий региональных элит по созданию политических машин хорошо схватывает асимметрию конкуренции электорального авторитаризма и позволяет сфокусироваться на социально-демографических характеристиках, влияющих на возможность мониторинга и контроля над поведением избирателей, а также на политических факторах, задающих рамки координации элит для организации электорального контроля и мониторинга.

Ракурс «машинной политики» подразумевает и некоторые допущения. Концепт политической машины запаковывает вместе (1) обеспечение победы на выборах, (2) достижение этого результата посредством клиентелизма, т.е. предоставления персональных благ избирателям, и (3) работу неформальных структур, основанных на патрон-клиентских отношениях. Это сочетание возникло благодаря тому, что понятие «политической машины» возникло не как строгое научное понятие, а в публицистической среде для обозначения конкретных политических групп с характерными для них практиками ухода от подотчетности в процессе выборов [Скотт, 2016; Гельман, 2009; Golosov 2013]. Вместе с тем регулярные победы разнообразных современных политических машин могут поддерживаться не только благодаря клиентелизму, но и благодаря запугиванию или фальсификациям [Mages, Young, 2016]. Для этого могут задействоваться как неформальные сети, так и административные возможности госаппарата. Наконец, все усилия машин могут не привести к победам. Последнее из этих противоречий не так актуально для реалий электорального авторитаризма: стоит подробнее остановиться на различии между мобилизацией избирателей и административными злоупотреблениями, а также между принуждением и клиентелизмом.

Действительно, меню манипуляций не ограничивается клиентелистскими «пряниками». Оппоненты политической машины могут сойти с дистанции, не пройдя сложные формальные правила регистрации – не согласовав выдвижение с партией, не собрав подписи, не преодолев муниципальный фильтр для кандидатов в

губернаторы [Карандашова, 2015; Кынев, 2015]. Административным инструментом машин может быть манипуляция явкой. Региональные руководители могут иметь различный настрой относительно явки и рассчитывать соответствующий масштаб необходимой мобилизации [Кынев, 2015; Титков, 2016; Сироткина, Карандашова, 2018]. Альтернативой мобилизации избирателей могут быть фальсификации – «вбросы» и «приписки» [Bader, van Ham, 2015]. Наконец, мобилизуя избирателей, российские региональные политические машины чаще прибегают не к частным позитивным стимулам, а к угрозам [Fish 2005, p. 54–61; Frye, Reuter, Szakonyi, 2015]. Очевидно, что все эти тактики в разном сочетании вносят вклад в результативность той или иной региональной политической машины, однако закономерности этих сочетаний пока мало изучены. Задача настоящей статьи состоит именно в заполнении этого пробела в исследованиях региональных политических машин в современной России.

Метод и данные

Цель данной статьи состоит в определении оснований клиентелизма региональных политических машин в современной России на примере региональных выборов 2015 г. Для этого я использую метод качественного сравнительного анализа (QCA) [Ragin, 2014; Маркс, Рихокс, Рэйгин, 2015]. Выбор метода обусловлен, во-первых, теоретически, во-вторых, технически. Качественный сравнительный анализ помогает определять необходимые основания и комбинации факторов, способствующие тому или иному исходу. Как известно из литературы, рассмотренной в предыдущем параграфе, политические машины опираются на доступные в регионе ресурсы, так что полезно будет изучить, какие факторы и сочетания факторов могут компенсировать друг друга. Кроме того, выбранный метод технически адекватен для «среднего» – чуть менее трех десятков – числа случаев. Анализ выполнен с помощью пакета QCA (GUI) для R [Dusa, 2007].

Такие исследователи, как Г. Китчелт и С. Уилкинсон, а также П. Копецки и М. Спирова подчеркивали преимущества экспертных опросов и интервью для сравнительного анализа таких неформальных практик, как клиентелизм и патронаж [Kitschelt,

Wilkinson, 2007, p. 328; Kopecký, Spirova, 2012, p. 24]. В соответствии с этими рекомендациями данные о зависимой переменной – клиентелизме в российских регионах – почерпнуты из экспертного опроса «Perceptions of electoral integrity» [Perceptions..., 2015], в этом опросе экспертов спрашивали об особенностях кампании в том или ином российском регионе во время выборов губернаторов или региональных legislatures осенью 2015 г. Я рассматриваю ответы экспертов на три вопроса: об обещании или предоставлении партиями потребительских товаров в качестве стимулов к голосованию; об обещании особого доступа к материальным преимуществам в социальной политике в качестве стимулов к голосованию; о попытках контроля над голосованием со стороны партий (в настоящем исследовании я анализирую только ответы экспертов применительно к партии «Единая Россия»). Эти три вопроса позволяют различить самый простой клиентелизм в форме покупки голосов, более сложный клиентелизм частных и клубных благ [Китчелт, Уилкинсон, 2016], а также клиентелизм, где вознаграждения сложно переплетены с принуждением. Точные формулировки вопросов и варианты ответов приведены в Приложении 1. Вариантам ответов присваиваются порядковые значения, и на их основе рассчитывается средний индекс для региона. После исключения пяти регионов, где для расчета переменной было менее трех экспертных ответов, в выборке осталось 25 регионов, индексы для них приведены в таблице 1.

Таблица 1

Индексы клиентелизма для региональных выборов 2015 г.

Регион	Частные блага (минимум -1, максимум - 3)	Преимущества в соци- альной политике (минимум -1, максимум - 3)	Контроль голосования (минимум -1, максимум - 4)
1	2	3	4
Амурская область	2,14	1,50	2,00
Архангельская область	3,00	2,00	3,00
Белгородская область	1,38	1,43	3,60
Воронежская область	2,17	2,00	2,80
Иркутская область	1,75	1,67	2,50
Калининградская область	2,00	1,67	3,00
Калужская область	2,00	1,50	2,50
Кемеровская область	2,00	1,67	2,80
Костромская область	2,40	2,60	3,50
Краснодарский край	2,00	2,67	3,50

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Курганская область	2,25	1,75	2,25
Ленинградская область	1,67	2,11	2,86
Новосибирская область	2,14	1,83	3,13
Омская область	2,00	2,00	3,00
Пензенская область	2,00	1,75	4,00
Ростовская область	1,50	1,00	2,50
Рязанская область	3,00	3,00	3,75
Сахалинская область	1,50	1,50	2,60
Смоленская область	1,67	1,83	2,80
Тамбовская область	2,20	2,00	2,14
Республика Коми	2,00	2,00	2,00
Республика Татарстан	1,75	2,00	3,00
Республика Чувашия	3,00	3,00	2,67
Челябинская область	2,33	2,30	3,00
Ямало-Ненецкий АО	2,00	1,33	2,50

Источник: [Perceptions..., 2015].

Обобщенно можно выделить два основных подхода к объяснению клиентелизма – политэкономический и институциональный. Первый подход объясняет клиентелизм исходя из наличия социально-экономической базы для подконтрольного голосования, в первую очередь бедности и неравенства [Скотт, 2016; Китчелл, Уилкинсон, 2016; Brokers..., 2013]. Второй подход обращает внимание на политико-институциональные ограничения [Шефтер, 2016; Mares, Young, 2016]. Для выдвижения гипотез в соответствии с первым подходом уместно обращение к литературе о социально-демографических основаниях политических машин в России, рассмотренных в начале предыдущего параграфа, а для выдвижения гипотез в соответствии со вторым подходом – к литературе о политических факторах машинной политики в России, рассмотренной в предыдущем параграфе во второй половине.

В качестве гипотез о социально-демографических основаниях выдвигаются следующие:

Гипотеза 1. Уровень клиентелизма выше в менее урбанизированных регионах.

Гипотеза 2. Уровень клиентелизма выше в регионах с меньшим ВРП на душу населения.

Чтобы отследить возможный эффект масштаба на доступность мониторинга [Medina, Stokes, 2007; Хейл, 2016], выдвигается дополнительная гипотеза:

Гипотеза 3. Уровень клиентелизма выше в менее населенных регионах.

К сожалению, из-за того, что в выборке оказалось только две республики с большой долей титульного населения – Татарстан и Чувашия, из-за малой вариации в данном исследовании невозможно полноценно проверить гипотезу о роли этнических сетей.

В качестве гипотез о роли политических факторов выдвигаются следующие:

Гипотеза 4. Уровень клиентелизма выше в регионах с «местным» губернатором.

Гипотеза 5. Уровень клиентелизма выше в регионах с губернатором, имеющим большой срок в должности.

Поскольку клиентелизм экономически оправдан при большей остроте конкуренции, для подвыборки губернаторских выборов отдельно тестируется гипотеза:

Гипотеза 6. Уровень клиентелизма выше в регионах с участием более опасных конкурентов губернатора.

В качестве гипотез об инструментальных альтернативах клиентелизма выдвигаются:

Гипотеза 7. Уровень клиентелизма ниже в регионах, где оппоненты политической машины не были допущены до выборов.

Гипотеза 8. Уровень клиентелизма ниже в регионах, где выше уровень нарушений.

Гипотеза 9. Уровень клиентелизма ниже в регионах, где используется тактика снижения явки.

Кроме того, контролируется тип выборов: можно ожидать, что на более конкурентных выборах в легислатуры клиентелизма будет больше. Вводимая контрольная переменная фиксирует все регионы, где проходили выборы легислатуры, в том числе одновременно с губернаторскими в Калужской и Костромской областях.

Валовый региональный продукт, численность населения и доля городского населения региона рассчитаны по показателям за предыдущий год¹. В губернаторском сроке учитывались только

¹ Основные социально-экономические показатели в 2014 г. // УИС Россия. – Режим доступа: https://uisrussia.msu.ru/stat/Publications/Invest2015/Invest2015_09_/Invest2015_09_010.htm (Дата посещения: 23.06.2017.)

полные годы на посту без округления на момент выборов. В качестве «местных» губернаторов отмечались те, кто работал в регионе непосредственно перед назначением или провел в регионе хотя бы часть политической или экономической карьеры. В качестве опасных губернаторских соперников в 2015 г. кодировались депутаты Государственной думы, в качестве «относительно опасных» соперников кодировались многолетние лидеры региональных партийных отделений с опытом оппонирования губернатору в региональной легислатуре¹. Уровень нарушений на выборах и отстранение оппонентов фиксируются на основе экспертного опроса РЕИ [Perceptions..., 2015]. Данные о явке взяты с официального сайта Центральной избирательной комиссии РФ², в случае выборов губернатора Иркутской области взята явка для первого из двух туров. Описание переменных приведено в таблице 2, поскольку качественный сравнительный анализ требует работы с булевыми переменными, приведен также порог, по которому проводится дихотомизация.

Оценка численности постоянного населения на 1 января 2014 г. и в среднем за 2013 г. // Росстат. – Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/popul2014.xls (Дата посещения: 23.06.2017.)

¹ В качестве «опасных» кандидатов отмечены: депутаты Государственной Думы от ЛДПР Иван Абрамов (Амурская обл.) и Иван Деньгин (Калужская обл.), от КППР – Сергей Левченко (Иркутская обл.), Николай Кузьмин (Ленинградская обл.), Олег Денисенко (Омская обл.), Владимир Симагин (Пензенская обл.), Николай Коломейцев (Ростовская обл.). В качестве «относительно опасных» – местные коммунисты Валерий Ижицкий (Костромская обл.), Николай Осадчий (Краснодарский край), Светлана Иванова (Сахалинская обл.) и Игорь Ревин (Калининградская обл.), только перед выборами попавший в Госдуму. Потенциально опасные соперники губернаторов от «Справедливой России» в этот цикл повсеместно сошли с дистанции вследствие неформальных договоренностей, в том числе в обмен на кресло для партии в Совете Федерации [Кынев, Любарев, Максимов, 2015].

² Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (Дата посещения: 23.06.2017.)

Таблица 2

Описание переменных

Переменная	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана	Порог дихотомизации
Клиентелизм: материальные стимулы (1–3 балла)	1,38	3	2,07	2	2
Клиентелизм: особый доступ к соц. благам (1–3 балла)	1	3	1,92	1,83	2
Клиентелизм: контроль (1–3 балла)	2	4	2,86	2,80	2,75
Доля городского населения	0,54	0,86	0,72	0,72	0,75
ВВП на душу населения (руб.)	180 757,3	2 540 488,6	417 579,7	280 274,8	300 000
Население (человек)	492 165	5 367 227	1 825 356	1 241 707	1 500 000
Губернаторский срок (лет)	0	21	4,6	3	5,5
Недопуск оппонентов (1–5 баллов)	2	4,33	3,31	3,5	3,5
Нарушения (1–5 баллов)	1	4,5	3,13	3	3,5
Явка, %	21%	92%	46%	41%	40%

Анализ и выводы

Далее будут представлены сценарии для зависимых переменных. Следует оговориться, что расчеты иногда позволяют выделить очень много разных сценариев, ниже рассмотрены только те из них, которые могут быть теоретически интерпретированы.

Анализ оснований для **клиентелистского использования материальных стимулов** на выборах. *Первый сценарий* – выборы в легислатуры в небогатых и неурбанизированных регионах. Этот сценарий объясняет использование материальных стимулов в Костромской, Курганской, Рязанской и Воронежской областях¹.

Второй сценарий – выборы при губернаторе без длительного опыта управления, когда некоторые оппоненты не были допущены, но при этом не было и значительных нарушений. Этот сценарий

¹ К сожалению, формат работы не позволяет останавливаться на региональных случаях, их разбор см., например: [Кынев, Любарев, Максимов, 2015].

рий объясняет случаи Архангельской, Новосибирской и Челябинской областей.

Наконец, *третий сценарий* характерен для выборов при местном губернаторе в небольших неурбанизированных регионах, где участие оппонентов не ограничило. Этот сценарий фиксируется в Амурской и Костромской, а также в Тамбовской области. Следует отметить, что если в Амурской области была достаточно острая губернаторская гонка, в Костромской области одновременные выборы губернатора и облдумы обострились участием РПП-Парнас, то в Тамбовской области на губернаторских выборах не было опасного соперничества, но зато мобилизовывалась высокая явка.

Сценариев без значительного задействования материальных стимулов можно выделить значительно больше. Среди них: выборы губернатора с нарушениями при голосовании (Калининградская, Кемеровская области, Краснодарский край, Республика Татарстан)¹, выборы губернатора в большом регионе (Иркутская, Кемеровская, Ленинградская, Омская, Ростовская области, Краснодарский край, Республика Татарстан), выборы легислатуры в небольшом, но урбанизированном регионе (Калужская область, Республика Коми, ЯНАО). Интересно, что сюда же относятся сценарии выборов при опытным местном губернаторе и губернаторе-«варяге» с небольшим сроком руководства соответственно. Это весьма контринтуитивно, но, как представляется, удачно отражает общую тенденцию: от опоры на материальные стимулы отказываются как относительно новые в региональной политике руководители, так и руководители, уже не нуждающиеся в таких затратах для удержания власти своей машиной.

Обещания особого доступа к социальным благам наблюдаются реже. Среди сценариев, объясняющих их: выборы губернатора в относительно богатом, но не урбанизированном регионе (Краснодарский край, Ленинградская область); наличие выборов в легислатуру в небогатом регионе с относительно новым губернатором, где оппоненты были допущены до соревнований (Костромская область); выборы легислатуры в небогатом урбанизированном регионе с новым губернатором (Челябинская область).

¹ Примечательно, что выбивающаяся из этой группы Калининградская область характеризовалась меньшей явкой.

Отсутствие обещаний особого доступа к социальным благам фиксируется: в богатых урбанизированных регионах (Иркутская, Новосибирская, Сахалинская области, Татарстан, Коми, ЯНАО); на губернаторских выборах в урбанизированных регионах (Архангельская, Иркутская, Калининградская, Кемеровская, Сахалинская области, Татарстан); при местных губернаторах с долгим сроком руководства (Белгородская, Калужская, Кемеровская области); в регионах с местными губернаторами, где не были допущены некоторые оппоненты, но явка была низкой (Архангельская, Калужская, Курганская, Новосибирская области).

Контроль над избирателями может быть объяснен сценариями выборов в урбанизированном регионе с относительно новым губернатором и при недопуске оппонентов (Архангельская, Новосибирская, Челябинская области, Республика Татарстан); выборов главы региона со значительными нарушениями (Калининградская, Кемеровская области, Краснодарский край, Татарстан); выборов с высокой явкой при губернаторе-долгожителе (Белгородская, Воронежская, Кемеровская).

Политические машины были менее успешны в достижении контроля в более богатых урбанизированных регионах, где оппонентов допустили к участию (Иркутская, Сахалинская области, Республика Коми, ЯНАО), а также в кампаниях, включавших выборы в легислатуру в относительно небогатом регионе, где некоторые оппоненты не были допущены к соревнованию, а явка в итоге получилась низкой (Калужская и Курганская области).

Дополнительный анализ подвыборки губернаторских кампаний позволяет проверить эффект конкурентности выборов. Оказалось, что наличие или отсутствие «опасного» соперника из Государственной думы мало помогают объяснить вариацию, полезнее разделить присутствие хотя бы относительно опасного конкурента и конкуренцию исключительно формальную. Так, отсутствие хотя бы относительно опасной для губернатора конкуренции делает совершенно не востребованными обещания особого доступа к социальным благам.

В полученной пестрой картине детали имеют значение, однако всё же стоит обобщить полученные результаты. Во-первых, политэкономический подход действительно помогает объяснить значительную часть региональной вариации: урбанизация и экономический достаток способствуют удорожанию клиентелистских

тактик и снижают его востребованность для политических машин. Те в первую очередь отказываются от обещаний эксклюзивного доступа, затем – от небольших материальных стимулов, в последнюю очередь – от контроля над голосованием.

Во-вторых, регионы с наилучшими структурными условиями для клиентелизма могут и не прибегать к нему, ведь самые опытные и укорененные губернаторы нуждаются в клиентелизме меньше: основная сила машин – не в предоставлении частных благ, но скорее – в административных возможностях. Менее опытным губернаторам и «варягам» для успеха своих машин приходится прибегать к страховочным тактикам, но не обязательно это клиентелистские практики. Если губернаторы на выборах путем неформальных сделок или благодаря муниципальному фильтру избегают опасной конкуренции, они не нуждаются в предложении избирателям особого доступа к социальным благам. Замещать клиентелизм могут и манипуляции с явкой. В отличие от губернаторских выборов, выборы legislatures сложнее застраховать от конкуренции, так что клиентелизм на них более востребован. Примечательно, что в качестве факторов риска в выделенных сценариях заметны скорее неопытность или «внешнее происхождение» губернатора, нежели опасность конкуренции.

В-третьих, нарушения на выборах и недопуск оппонентов necessarily замещают клиентелизм, во многих регионах эти тактики соседствуют, тогда как в других регионах политическая машина не преуспевает ни в одной из тактик. Строго говоря, здесь возможно альтернативное объяснение, согласно которому эксперты склонны проецировать на регион политические симпатии и антипатии и замечать или не замечать все «плохие» тактики в комплексе. Так или иначе, контроль над голосованием и использование административных практик ограничения конкуренции часто присутствуют вместе.

Подводя итог, можно сказать, что политический клиентелизм в России в целом подчиняется политэкономическим закономерностям [Скотт, 2016; Brokers., 2013] и больше востребован там, где обходится дешевле. Клиентелизм меньше представлен там, где его могут восполнить административные тактики и манипуляции с явкой. Для политических машин в российских регионах тактики клиентелизма, по крайней мере в 2015 г., скорее дополняли административные. Полученные выводы вписываются в литературу о многообразии практик современных российских политических

машин [Frye, Reuter, Szakonyi, 2014, 2015; Bader, van Ham, 2015; Карандашова, 2015; Кынев, 2015]. Российский случай дополняет компаративистскую литературу о политических машинах и электоральном авторитаризме [Magaloni, 2006; Mares, Young, 2016] и позволяет заметить, что клиентелизм может свидетельствовать не только об инфраструктурном потенциале, но и о недостатке административных возможностей для предотвращения рисков конкуренции.

Список литературы

- Азар И.* Либерал в окружении шейхов. Успехи и провалы первой пятилетки Никиты Хрущева в Кировской области. – 2014. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2014/01/15/belykh/> (Дата посещения: 24.07.2017.)
- Бекбулатова Т.* У Вас тут Советский Союз какой-то – 2017. Как Аман Тулеев выстроил Кузбасс вокруг себя – и что теперь будет с регионом. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/07/24/u-vas-tut-sovetskiy-soyuz-kakoy-to> (Дата посещения: 24.07.2017.)
- Гельман В.Я.* Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) // *Общественные науки и современность*. – М., 2009. – № 3. – С. 50–63.
- Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика 1993–2003. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.
- Голосов Г.В., Григорьев И.С.* Национализация партийной системы: Российская специфика // *Политическая наука / РАН. ИНИОН*. – М., 2015. – № 1. – С. 128–156.
- Карандашова С.А.* Российские особенности электорального авторитаризма: новые практики обеспечения победы инкумбентов на губернаторских выборах // *Вестник Пермского университета*. Серия: Политология. – Пермь, 2015. – № 1. – С. 51–67.
- Китчелл Г., Уилкинсон С.* Взаимодействие граждан и политиков: Введение // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия*. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 305–333.
- Ковин В.С., Подвинцев О.Б.* Формальные и неформальные партии в Пермском крае: Спрос и предложение // *Политическая наука / РАН. ИНИОН*. – М., 2015. – № 1. – С. 218–239.
- Кынев А.В.* «Обновленная» электоральная политика Кремля и регионы: Старое новое и новое старое // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. – М., 2015. – № 5. – С. 43–56.
- Кынев А., Любарев А., Максимов А.* На подступах к федеральным выборам – 2016: Региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 г. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 565 с.
- Магалони Б., Кричели Р.* Политический порядок и однопартийная система / сокращенный перевод с англ. // *Политическая наука / РАН. ИНИОН*. – М., 2015. – № 1. – С. 38–47.

- Маркс А., Рихос Б., Рэйгин Ч. Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: Первые 35 лет // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 2. – С. 117–156.
- Росс К. Партии в российских регионах: Вымирающий вид? // Неприкосновенный запас. – М., 2012. – № 1. – С. 12–24.
- Панов П.В. Электоральные практики на конкурентных и неконкурентных выборах в современной России // Российское электоральное обозрение. – СПб., 2009. – № 2. – С. 44–56.
- Петров Н. Корпоративизм vs регионализм // Pro et Contra. – М., 2007. – Т. 11, № 4–5. – С. 75–89.
- Петров Н., Титков А. Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. – М.: Московский Центр Карнеги, 2013. – 45 с.
- Полищук Л.И., Макарыш А.А., Зубарева Д.С. Водители и граждане: Роль социального капитала в предотвращении дорожных пробок и аварий // Экономическая свобода и государство: друзья или враги / Под ред. А.П. Заостровцева. – СПб.: Леонтьевский центр, 2012. – С. 244–273.
- Россия регионов: Трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. – М.: Издательство «Весь Мир»: «Berliner Debatte Wissenschaftsverlag», 2000. – 376 с.
- Сироткина Е.В., Карандашова С.А. Выборы глав российских регионов: Роль конфликтов губернатора с региональными элитами в исходе голосования // Полис: Политическое исследования. – М., 2018. – (В печати).
- Скотт Дж. Коррупция, политические машины и политические изменения // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 242–279.
- Стародубцев А. Платить нельзя проигрывать. Региональная политика и федерализм в современной России. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 196 с.
- Сюняев Г., Полищук Л. Инвестиционный климат и сменяемость власти в российских регионах // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 2. – С. 88–117.
- Титков А.С. Индекс демократии для регионов России: Динамика 1990–2010-х годов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2016. – № 2. – С. 81–104.
- Туровский Р.Ф. Практики назначения губернаторов: Инерция и радикализм в политике центра // Полития. – М., 2009. – № 2. – С. 72–89.
- Хейл Г. Факторы клиентелизма: Политическая экономия, политизированная этничность и посткоммунистический транзит // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 334–365.
- Шефтер М. Партия и патронаж: Германия, Англия и Италия // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия. – М.: РОССПЭН, 2016. – С. 185–241.
- Щербак А.Н., Сенников Е.В., Лисовский Т.А. Экономическое голосование на выборах 2011–2012 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2013. – № 4. – С. 168–183.

- Bader M., van Ham C.* What explains regional variation in election fraud? Evidence from Russia: A research note // *Post-Soviet affairs*. – L., 2015. – Vol. 31, N 6. – P. 514–528.
- Cook L.J.* Eastern European Post-communist variants of political clientelism and social policy // *Clientelism, social policy, and the quality of democracy* / D.A. Brun, L. Diamond (eds). – Baltimore, 2014. – P. 204–229.
- Fish M.S.* *Democracy derailed in Russia: The failure of open politics*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 313 p.
- Dusa A.* User manual for the QCA (GUI) package in R // *Journal of Business Research*. – Amsterdam, 2007. – Vol. 60, N 5. – P. 576–586.
- Foa R.S., Nemirovskaya A.* How state capacity varies within frontier states: A multicountry subnational analysis // *Governance: An international journal of policy, administration, and institutions*. – Oxford, 2016. – Vol. 29, N 3. – P. 411–432.
- Frye T., Reuter O., Szakonyi D.* Political machines at work: voter mobilization and electoral subversion in the workplace // *World politics*. – Cambridge, 2014. – Vol. 66, N 2. – P. 195–228.
- Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D.* Hitting them with carrots: Voter intimidation and vote buying in Russia. – 2015. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2705075> (Дата посещения: 02.07.2017.)
- Gibson E.L.* *Boundary control: Subnational authoritarianism in federal democracies*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 197 p.
- Golosov G.V.* The regional roots of electoral authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies*. – L., 2011. – Vol. 63, N 4. – P. 623–639.
- Golosov G.V.* Machine politics: The concept and its implications for Post-Soviet studies // *Demokratizatsiya*. – Washington, DC, 2013. – Vol. 21, N 4. – P. 459–480.
- Golosov G.V.* The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines // *Post-Soviet affairs*. – L., 2014. – Vol. 30, N 6. – P. 464–480.
- Golosov G.V.* Voter Volatility in Electoral Authoritarian Regimes: Testing the «Tragic Brilliance» Thesis // *Comparative Sociology*. – Leiden, 2016. – Vol. 15, N 5. – P. 535–559.
- Golosov G.V., Gushchina K., Kononenko P.* Russia's local government in the process of authoritarian regime transformation: incentives for the survival of local democracy // *Local government studies*. – L., 2016. – Vol. 42, N 4. – P. 507–526.
- Golosov G.V., Tkacheva T.* Let my people run: Pre-election resignations of Russia's governors, 2013–2015 // *Problems of Post-Communism*. – N.Y., 2017. – P. 1–10.
- Goodnow R., Moser R.G., Smith T.* Ethnicity and electoral manipulation in Russia // *Electoral Studies*. – Oxford, 2014. – Vol. 36. – P. 15–27.
- Greene K.F.* *Why dominant parties lose: Mexico's democratization in comparative perspective*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – 350 p.
- Hale H.E.* *Why not parties in Russia? Democracy, federalism, and the state*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 275 p.
- Kitschelt H., Wilkinson S.* A research agenda for the study of citizen–politician linkages and democratic accountability // *Patrons, clients, and policies* / H. Kitschelt, S. Wilkinson (eds). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – P. 322–343.
- Konitzer A.* *Voting for Russia's governors: Regional elections and accountability under Yeltsin and Putin*. – Washington, DC: Woodrow Wilson Center press, 2005. – 258 p.

- Kopecký P., Spirova M.* Measuring party patronage through structured expert interviews // Party patronage and party government in European democracies / P. Kopecký, P. Mair, M. Spirova (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2012. – P. 17–28.
- Kulmala M., Tarasenko A.* Interest representation and social policy making: Russian veterans' organisations as brokers between the state and society // *Europe-Asia Studies*. – L., 2016. – Vol. 68, N 1. – P. 138–163.
- Kurilla I.* Civil activism without NGOs: The communist party as a civil society substitute // *Demokratizatsiya*. – Washington, DC, 2002. – Vol. 10, N 3. – P. 392.
- Lankina T.* Unbroken links? From imperial human capital to post-communist modernisation // *Europe-Asia Studies*. – L., 2012. – Vol. 64, N 4. – P. 623–643.
- Lankina T.V., Libman A., Obydenkova A.* Appropriation and subversion: Precommunist literacy, communist party saturation, and postcommunist democratic outcomes // *World politics*. – Cambridge, 2016. – Vol. 68, N 2. – P. 229–274.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 300 p.
- Mares I., Young L.* Buying, expropriating, and stealing votes // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 2016. – Vol. 19. – P. 267–288.
- Markevich A., Mikhailova T.N.* Economic geography of Russia // *The Oxford of the Russian economy* / S. Weber, M. Alexeev (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2013. – P. 617–642.
- Matsuzato K.* From ethno-bonapartism to centralized caciquismo: Characteristics and origins of the Tatarstan political regime, 1900–2000 // *The journal of communist studies and transition politics*. – L., 2001. – Vol. 17, N 4. – P. 43–77.
- Medina L.F., Stokes S.* Monopoly and monitoring: An approach to political clientelism // *Patrons, clients, and policies* / ed. by H. Kitschelt, S. Wilkinson. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – P. 68–83.
- Perceptions of Electoral Integrity-Russia, (PEI-Russia 1.0) / Norris P., Martinez i Coma F., Nai A., Grömping M. – Cambridge, MA: Harvard Dataverse, 2015. – Mode of access: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/8LYUAY> (Дата посещения: 09.08.2017.)
- Ragin C.C.* The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. – Berkeley: Univ. of California Press, 2014. – 185 p.
- Obydenkova A., Libman A.* The impact of external factors on regime transition: Lessons from the Russian regions // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2012. – Vol. 28, N 3. – P. 346–401.
- Obydenkova A., Libman A.* National autocratization and the survival of sub-national democracy: Evidence from Russia's parliamentary elections of 2011 // *Acta Politica*. – L., 2012 a. – Vol. 28, N 3. – P. 346–401.
- Obydenkova A., Libman A.* Understanding the survival of post-Communist corruption in contemporary Russia: The influence of historical legacies // *Post-Soviet Affairs*. – Washington, DC, 2015. – Vol. 31, N 4. – P. 304–338.
- Panov P., Ross C.* Levels of centralisation and autonomy in Russia's 'Party of Power': Cross-Regional variations // *Europe-Asia Studies*. – L., 2016. – Vol. 68, N 2. – P. 232–252.
- Reisinger W.M., Moraski B.J.* The regional roots of Russia's political regime. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2017. – 280 p.

- Reuter O.J.* The politics of dominant party formation: United Russia and Russia's governors // *Europe-Asia studies*. – L., 2010. – Vol. 62, N 2. – P. 293–327.
- Reuter O.J.* Regional patrons and hegemonic party electoral performance in Russia // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2013. – Vol. 29, N 2. – P. 101–135.
- Reuter O.J.* The origins of dominant parties: Building authoritarian institutions in Post-Soviet Russia. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. – 300 p.
- Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections / Reuter O.J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G. // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2016. – Vol. 49, N 5. – P. 662–697.
- Reuter O.J., Robertson G.B.* Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // *The Journal of politics*. – Chicago, 2012. – Vol. 74, N 4. – P. 1023–1037.
- Saikkonen I.A.L.* Variation in subnational electoral authoritarianism: evidence from the Russian Federation // *Democratization*. – L., 2016. – Vol. 23, N 3. – P. 437–458.
- Schedler A.* The logic of electoral authoritarianism // *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition* / Ed. by A. Schedler. – Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 2006. – P. 1–27.
- Sharafutdinova G.* Getting the "dough" and saving the machine: Lessons from Tatarstan // *Demokratizatsiya*. – Washington, DC, 2013. – Vol. 21, N 4. – P. 507–529.
- Sharafutdinova G., Kisunko G.* Governors and governing institutions: A comparative study of state-business relations in Russia's regions // *World Bank policy research working paper*. – Washington, DC, 2014. – N 7038. – 44 p.
- Sharafutdinova G., Turovsky R.* The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities // *Post-Soviet affairs*. – Washington, DC, 2017. – Vol. 33, N 2. – P. 161–175.
- Brokers, voters, and clientelism: The puzzle of distributive politics / Stokes S.C., Dunning T., Nazareno M., Brusco V. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 344 p.
- Turovsky R.* Opposition parties in hybrid regimes: between repression and co-optation: The case of Russia's regions // *Perspectives on European politics and society*. – L., 2014. – Vol. 15, N 1. – P. 68–87.

Приложение 1

Экспертные вопросы, ответы и разбалловка

1. Предпринимали ли партии или кандидаты от партий в данном регионе какие-либо усилия по предоставлению или обещанию потребительских товаров (например, продовольствие или алкоголь, одежда, медикаменты, строительные материалы и др.) в качестве стимулов для получения голосов? Оцените усилия, предпринимаемые партиями и кандидатами, по предоставлению такого рода благ в регионе.

- Никаких усилий или очень незначительные (1 балл)
- Предпринимались незначительные усилия (2 балла)
- Предпринимались существенные усилия (3 балла)
- Не знаю (ответ не учитывался)

2. Политические партии и / или кандидаты от партий иногда предоставляют или обещают предоставить гражданам особый доступ к материальным преимуществам в социальной политике (например, преференциальный доступ к льготным медикаментам, государственные стипендии, социальное жилье, социальная защита и др.) в качестве стимулов отдать свои голоса за данную партию и / или кандидата в данном регионе. Оцените усилия, предпринимаемые партиями и кандидатами, по предоставлению такого рода благ в регионе.

- Никаких усилий или очень незначительные (1 балл)
- Предпринимались незначительные усилия (2 балла)
- Предпринимались существенные усилия (3 балла)
- Не знаю (ответ не учитывался)

3. Если в регионе партии или кандидаты предпринимали попытки проконтролировать, как проголосовали конкретные избиратели или группы избирателей, то, на Ваш взгляд, насколько успешно им это удалось?

- Не пытались предпринять подобных попыток (1 балл)
- Без особого успеха (2 балла)
- Относительно успешно (3 балла)
- Успешно (4 балла)
- Не знаю (ответ не учитывался)